

насаждений черешни в Мелитопольском районе. И, действительно, А.В. Корвацкий много сил и энергии приложил для того, чтобы и в настоящее время город Мелитополь по праву называли «столицей черешневых садов», а в Париже недалеко от его центра ещё с конца 19 века обосновался магазин «Мелитопольская черешня», находится там до сих пор.

Ведь специалисты утверждают, что именно на подвижных песках Мелитопольщины черешня приобретает только ей присущий вкус и аромат. До настоящего времени, черешневые сады, принесшие без преувеличения мировую славу нашему городу, составляют особую гордость наших горожан и являются весомой частью рыночной экономики города и района, тем самым, подтвердив основополагающий принцип Л.П. Симиренко, о необходимости формирования зонального ассортимента садовых культур для промышленных и товарных садов. Как видно из записей Л.П. Симиренко на примере помологического описания черешни сорта Рамон Олива, именно природно-почвенные и климата - географические условия определяют перспективу применения того или другого сорта для промышленных целей: «Садоводы мелитопольского района считают Рамон Олива выгодным промышленным сортом, и там А.В. Корвацкий, например, включил его в свою весьма ограниченную коллекцию, заключающую всего лишь восемь различных сортов черешни. Там дерево отличается здоровым и сильным ростом, т.е. приобретает свойства, которые у себя мы не наблюдаем. Вот почему мне кажется, что в условиях, аналогичных нашим, место гини Рамон Олива только в домашнем саду. Эта гинь дает лучшие результаты на подвое антипка при культуре дерева в шпалерной форме»[5,с. 150].

В докладе инструктор по садоводству А.Лукиянов в 1908 году сообщил Земскому собранию 43-й очередной сессии: «По количеству второе место занимает черешня, лучшим сортом которой считается «Император Франц-Иосиф» полученный из Австрии и разведенный впервые в саду Андрея Васильевича Корвацкого, первого пионера Молочанского садоводства, сделавшего вместе со своей супругой Дарьей Ивановной очень многое для культурного развития этой отрасли. На столичных рынках сорт этой черешни ценится иногда выше 15 рублей за пуд» [2,с. 146].

Кроме неопределимого вклада в развитие садоводства юга Украины А.В. Корвацкий, являясь земским врачом, положил начало развитию хирургии, анестезии, асептики и антисептики. Он является одним из основателей профилактической и общественной медицины, санитарной статистики Северной Таврии. При его участии в Мелитополе построена городская больница № 1, основана горсанэпидстанция и медицинская библиотека, бактериологическая лаборатория и рентген кабинет.

Казалось бы, все, что сделано А.В. Корвацким должно быть по достоинству оценено, а его имя войти навечно в историю города Мелитополя. Однако этого не произошло. Так, при его жизни он, как и Л.П. Симиренко, преследовался за участие в народническом движении и близкие отношения с Андреем Желябовым, организовавшим убийство императора Александра II.

После революции на базе опытного и промышленного сада А.В. Корвацкого была организована садстанция, а затем Украинский научно - исследовательский институт орошаемого садоводства. На его территории до сих пор находится заброшенное место захоронения А.В. Корвацкого. Попытки вернуть его имя из небытия и забвения были предприняты ещё в середине 70-х годов XX столетия.

Е.С. Тубалова - Корвацкая, П.В. Вольвач, Б.Д. Михайлов, З.Г. Дубровский, Н.А. Алеекеев проводили изучение научного наследия доктора Корвацкого и требовали восстановить историческую справедливость.

Более того, П.В. Вольвач и З.Г. Дубровский подготовили объемную рукопись о жизнедеятельности А.В. Корвацкого. Однако в силу объективных и субъективных обстоятельств реализовать задуманное не удалось. Об этих обстоятельствах и причинах подробно изложено в 3 томе П.В.Вольвача «Л.П. Симиренко - фундатор украинского промыслового садоводства» (стр. 94 -109)

Наступили другие времена, которые должны вернуть истории имя А.В. Корвацкого, как одного из самых выдающихся преобразователей Северной Таврии.

Слинкин М.Ф.

СУЛЕЙМАН ЛАЙЕК – ПОЭТ, ГРАЖДАНИН, ПОЛИТИК

Его полное имя – Гулям Моджаддед Сулейман Лайек. Внутри страны и за рубежом он стал более известным под именем Сулеймана Лайека. Родился 7 октября 1930 г. в Катавазе, городе Шаране (ныне административный центр провинции Пактика), в пуштунской семье маулави Абдул Гани, который в свое время приобрел широкую известность тем, что принимал активное участие в борьбе за независимость Афганистана против английских колонизаторов и являлся в Катавазе "халифой" (представителем) семи духовных авторитетов Моджаддеди – руководителей довольно многочисленного в стране суфийского ордена накшбандийя. Отец С. Лайека происходил из гильзайского племени сулейманхель, а мать – из другого гильзайского племени хароти [1].

Первоначально Лайек получил домашнее образование, но позже, в 1941 г., в связи с переездом семьи в Кабул, а затем в Пули-Хумри (на севере Афганистана) поступил в 4-й класс престижного кабульского лицея Хабибия. По окончании лицея в 1947 г, по настоянию отца был зачислен в специальное духовное учебное заведение в г. Пагмане (западнее Кабула), известное под названием "Мадраса-йе улема-и шариа", откуда дважды временно исключался за "антирелигиозные высказывания". Окончив медресе, он в 1952-1954 гг. обучался на шариатском факультете Кабульского университета, откуда был изгнан за участие в студенческих выступлениях. Однако вскоре был восстановлен в рядах студентов, правда, на сей раз другого факультета – литературного, который и успешно закончил в 1957 году. С 1958 по 1 марта 1968 г. (до своего добровольного ухода в отставку с государственной службы) последовательно занимал различные посты в средствах массовой информации и государственных органах, как-то: сотрудника столичной газе-

ты "Хивад", заместителя редактора Радио Афганистана, заместителя редактора журнала "Жвандун" ("Жизнь"), заместителя редактора газеты "Радио", сотрудника министерства культуры.

С. Лайек, как поэт, пишущий на языках пушту и дари, получил широкое литературное признание во второй половине 50-х годов. В 1959 г. был удостоен государственной премии за стихотворение "Ушедшее детство". Уже в первых его стихах, наряду с проникновенной, душевной лирикой, звучат гражданские мотивы, сострадание к обездоленным, протест против несправедливостей существующего в стране общественного устройства и проклятье в адрес тех, кто людей превратил в рабов. В своем первом поэтическом сборнике «Песни Чунгара» (1962 г.) он с душевной болью восклицает:

Прозябают под снегом нивы,
И к труду душа не лежит,
И опять под пятой у сильных
Земледелец-бедняк дрожит.

Перевод А.Шараповой

Пафос борьбы за счастье и свободу своего народа стал особенно ощутим в поэзии Лайека во второй половине 60-х годов, когда он связал свою жизнь и деятельность с народно-демократическим движением. Именно в это время в стихотворении «О люди, люди!» он, обращаясь к своим соотечественникам, пишет:

О жаждущие люди! О рабы!
Хотите, я за вас на битву встану?
Я все отдам, чтоб вам свободу дать -
Я не состарюсь и я не устану.

Перевод А.Шараповой

Данное утверждение Лайека по поводу «непонимания слов свободы» афганским народом, думается, можно было бы с полным основанием при известных оговорках, отнести и к периоду, когда левые демократы находились у власти в Афганистане (1978-1992 гг.) и пытались осуществить в стране ряд прогрессивных по своей сути социально-экономических, политических и культурных преобразований.

К 70-м годам творчество С. Лайека становится хорошо известным за пределами его родины. В сентябре 1973 г. он принимал участие в работе V конференции писателей стран Азии и Африки в Алма-Ате и в Международном поэтическом симпозиуме в Ереване. В мае 1976 г. в Дели был издан новый сборник его стихов «Палатка кочевника». После революции 1978 г., несмотря на огромную занятость государственными делами, он продолжает свою литературную деятельность и публикует новые сборники стихов «Воспоминания и поля» (1978 г.; на пушту), «Парус» (1981 г.; на языке дари), «Заря над Индом» (1983 г.; этот сборник был издан на пушту при содействии ЮНЕСКО), «Светлое направление дорог» (1984 г.; на языке дари) и др. Всего с 1978 по 1984 г. вышло девять его поэтических сборников.

В 80-е годы основным содержанием литературного творчества Лайека, навеванным, несомненно, острым противоборством левого режима с антиправительственной вооруженной оппозицией и широкомасштабным вмешательством извне во внутриафганские дела, стали гражданские мотивы: идеалы борьбы за социальную справедливость и светлое будущее его страны и народа, гимн труду и труженнику, героика подвигов во имя свободы и независимости Афганистана. В этом ряду, к примеру, стоит и написанное им 28 мая 1981 г. стихотворение «Послание воина»:

Сраженный пулей, из последних сил
Отважный воин друга ратного просил:
«Предай мой прах земле родимой,
Земле, которую всем сердцем я любил,
Отчизне, что дала мне плоть и душу,
Скажи: их честь и славу я не посрамил.
Друзьям же боевым - с поклоном низким
Передай, что ни на шаг от клятвы я не отступил,
Что долг солдатский, выполнив сполна,
Пал, как герой, но землю предков защитил [2].

Перевод М.Ф. Слинкина

С. Лайек – один из основателей Народно-демократической партии Афганистана, делегат ее I Учредительного съезда, состоявшегося 1 января 1965 г. Входил в авторский актив первого печатного органа НДПА – газеты «Хальк» («Народ»), в которой опубликовал три революционно-призывных стихотворения, в том числе стихотворения «О люди, люди!» и «Путник» (соответственно в номерах от 25 апреля и 9 мая 1966 г.) В июне 1966 г. был избран кандидатом в члены ЦК НДПА. После раскола партии в мае 1967 г. примкнул к фракции Парчам, где продолжал входить в ее руководящее ядро в качестве кандидата в члены ЦК. В 1965 и 1969 годах баллотировался кандидатом в депутаты Вулуси джирги по избирательному округу Пули-Хумри, однако оба раза не набрал необходимого числа голосов.

С марта 1968 г. являлся издателем и главным редактором газеты «Парчам» (28 июля 1969 г. в связи с выдвижением кандидатом в депутаты Вулуси джирги передал функции главного редактора Мир Акбару Хайбару). В данной газете им было опубликовано много страстных, социально ориентированных стихов. В начале 70-х годов он принимал активное участие в переговорном процессе между двумя фракциями НДПА о восстановлении партийного единства. Следует заметить, что на Востоке, в том числе и в Афганистане, мастера поэтического слова во все времена неизменно пользовались огромной популярностью среди народа. Отсюда не случайно, что фракция Хальк не раз пыталась заполучить в свои ряды Лайека, признанного в общенациональном масштабе поэта. Одна из таких попыток, правда, безуспешных, была принята 30 мая 1971 г. лично лидером халькистов Н.М. Тараки [3]. В июле 1977 г. на объединительной партийной конференции Лайек был избран членом Политбюро ЦК НДПА.

После прихода к власти в апреле 1978 г. Народно-демократической партии Афганистана он вошел в

состав Революционного совета ДРА и первого правительства республики в качестве министра радио и телевидения. В ноябре 1978 г. в связи с принадлежностью к крылу Парчам был выведен из состава Политбюро ЦК НДПА и снят с поста министра. Некоторое время спустя он был арестован по личному указанию Х. Амина. С марта по декабрь 1979 г. томился в известной в Афганистане дурной славой тюрьме Пули-Чархи. От ареста и тюремных застенков его не спасли ни опубликованная им накануне «покаянная» антипарчамистская статья, ни бесспорное имя национального поэта. Впоследствии, вспоминая трагические дни и ночи пребывания в аминовских казематах, он с горечью писал: «Все друзья отвернулись от меня. Со мной остались лишь мои стихи – это сияющее ожерелье жемчужин человеческой души, жаждущей жизни в чистом море правды. Только они давали мне силу и утешение в застенках ада» [4].

Будучи в заключении, Лайек, несмотря на строжайшие запреты тюремщиков вести какие-либо записи, сумел написать, по его собственным словам [5], более тысячи четверостиший. Делал он это на обрывках старых бумажных мешков из-под цемента. Позднее 42 его «тюремных» четверостиший (из числа сохранившихся) вошли под общим названием «Цветы ада» в упоминавшийся выше поэтический сборник «Светлое направление дорог» [6]. В них он предстает перед читателем как проникновенный поэт-лирик с его неизбывной тоской по свободе, с его глубокими раздумьями о земных радостях и печалях, добре и зле, душевной и телесной красоте человека, его сокровенных помыслах и желаниях. Поэтические, повосточному своеобразные образы этого цикла подкупают своей искренностью, откровенностью, пылкостью чувств и переживаний, духовным благородством. При этом поэт часто пользуется характерным для классической ираноязычной поэзии приемом взаимного противопоставления. К примеру, описание скорби об утраченном и одновременно восхваление человеческой Любви и Красоты ярко раскрываются им в следующих двух четверостишиях данного цикла:

В застенках темных песню-плач твою я снова слышу,
Из-под небес и шелест платья твоего я тоже слышу.
Как будто наяву тот винный вижу погребок,
Где очи и уста твои пленяли мою душу [7].

Перевод М.Ф.Слинкина

Как жаль, что птица-страсть над нами больше не летает
И жемчуг в локонах твоих уж больше не сияет.
Но в памяти людской всегда живет твой образ дивный,
Он до сих пор, по-прежнему сердца всех нас пленяет [8]

Перевод М.Ф. Слинкина

Многие из политзаключенных, оказавшихся тогда в аминовских застенках, в том числе и те, кто сидел в одном блоке с Лайеком, были казнены. Однако к последнему судьба была более благосклонной: он остался жив. Как представляется, от физической расправы его спасли родственные связи его жены с кланом Х.Амина, также принадлежавшего к племени хароти.

Лайек был освобожден из тюрьмы сразу же после ввода советских войск в Афганистан. 10 января 1980 г. он избирается кандидатом в члены ЦК НДПА и членом Революционного совета Демократической Республики Афганистан. 12 апреля этого же года возглавил только что созданную Академию наук Афганистана. Параллельно с исполнением указанных обязанностей он назначается уполномоченным ЦК НДПА и Революционного совета ДРА по зоне «Восток» (г. Джалалабад). В июне 1981 г. занял пост министра по делам народностей и племен, на котором оставался в течение ряда последующих лет. Кроме того, он являлся заместителем председателя Центрального совета Национального отечественного фронта – самой массовой общественной организации ДРА. В ноябре 1985 г. его избирают кандидатом в члены Политбюро ЦК НДПА, а 10 июля 1986 г. (на 19-м пленуме ЦК партии) – членом Политбюро. С октября 1989 г. – секретарь ЦК НДПА. В июне 1990 г. по решению 2-го партийного съезда он становится членом Исполнительного бюро Центрального совета Партии Отечества и одним из заместителей ее председателя.

За заслуги в руководстве Академией наук Афганистана и большой личный вклад в развитие отечественной литературы он был удостоен в ноябре 1986 г. звания академика в области языка и литературы. Лайек проявил себя и как исследователь-этнограф. Среди зарубежных афганистов не осталось не замеченным его многочасовое выступление на симпозиуме смешанной советско-афганской комиссии по пуштунской проблеме, в котором он с присущей ему основательностью знания сути вопроса раскрыл особенности племенной структуры афганских пуштунов, их обычаи, традиции, ментальность и мотивацию порой трудного предсказуемого их поведения как внутри своего сообщества, так и с внешним миром [9].

На всех указанных выше постах ярко проявились его выдающиеся организаторские способности. Он, как тонкий политик и глубокий знаток этноконфессиональной ситуации в стране и как признанный поэт, приобрел огромный авторитет не только среди племен и народностей Афганистана, но и вообще среди всех слоев интеллигенции и простых афганцев. Вместе с тем, нельзя не признать, что в руководстве партии и государства отношение к нему было далеко не однозначным: одни боготворили его и вполне оправданно связывали с его именем наиболее реальные возможности решения затянувшегося афганского кризиса, другие же, наоборот, ревниво воспринимая его популярность, плели вокруг него интриги и стремились во что бы то ни стало скомпрометировать его в глазах и афганской общественности, и Москвы. К компрометации С. Лайека прикладывали свою руку и влиятельные сотрудники представительства КГБ в Кабуле, а также ответственные работники советского посольства, которым не нравились его независимость, прямота суждений и несогласие с некоторыми аспектами политики высшего руководства страны, а значит и с установками, исходящими из Кремля.

Несмотря на все потуги его недругов, авторитет Лайека еще больше укрепился с началом реализации политики национального примирения. Среди высших государственных деятелей режима Наджибуллы ему

не было равных по влиянию и популярности в народе, особенно в зоне пуштунских племен.

Мне памятливы несколько встреч и продолжительных бесед с этим незаурядным, интеллигентным по натуре, весьма обаятельным в общении и откровенным в своих суждениях человеком. В ходе одной из таких бесед (это случилось где-то в середине 80-х годов) он искренне и озабоченно посетовал на некомпетентность ряда высокопоставленных советских советников в решении злободневных проблем афганской действительности. Конкретизируя свою мысль и, видимо, имея в виду в первую очередь подчиненное ему ведомство, он высказал крайнее недоумение по поводу направления в его страну из СССР в качестве советников преимущественно, как он выразился, «специалистов» (т.е. представителей спецслужб), а не профессионалов, хорошо знающих не только свое дело, но и восточную специфику вообще и Афганистана, в частности.

Лайек был, безусловно, прав. Например, в составе советского советнического аппарата, работавшего в 1978-1988 гг. при высших партийно-государственных органах Афганистана и насчитывавшего в своих рядах, по приблизительным подсчетам, в общей сложности более 300 человек, такого рода профессионалов было не более пяти человек. Да и они, надо признать, имели весьма ограниченные возможности сделать что-либо позитивное, поскольку аккредитованная на высоких постах амбициозная советская партийно-бюрократическая номенклатура к их мнению, как правило, не прислушивалась.

Некомпетентные в афганских делах советские советники, прибыв в эту отсталую страну, где все еще оставались пережитки средневековья во всех сферах - в экономике, социальных отношениях и психологии народа, уже на старте своей деятельности стали с присущими им рвением и упорством решать афганские проблемы по аналогии с опытом строительства социализма в СССР (другого они, к сожалению, просто не знали). Более того, встретившись с нерасторопностью и нерешительностью своих афганских подсоветных, они начали подменять последних на всех стадиях работы: от подготовки их речей, выступлений, докладов, постановлений, законов и пр. до исполнения конкретных дел. На долю же афганских друзей со временем остались лишь формальное согласие с тем, что им предлагалось, и словесное воспроизведение всего этого с разных трибун.

Из всех зол подобного рода, пожалуй, самым худшим было грубое, беспардонное вмешательство советского посла и руководителя группы советников ЦК КПСС в Кабуле в деятельность Политбюро и секретариата ЦК НДПА. На этот порочный стиль работы вынуждены были, в конце концов, обратить внимание халькисты - члены ЦК НДПА в закрытом письме, направленном ими в адрес Политбюро ЦК КПСС в апреле 1988 г. В нем они, имея в виду указанных выше особ, подчеркнули, что в Республике Афганистан «партийная власть не должна концентрироваться в руках группы лиц, не входящих в руководство» [10]. Ту же мысль о вмешательстве советской стороны в деятельность высших партийных и государственных органов Афганистана повторил С. Лайек в мае 1990 г. на встрече с советской делегацией, в составе которой привелось быть и автору этих строк.

Влияние и популярность Лайека в афганском обществе были обусловлены не только его талантом поэта и заслугами государственного деятеля, но и родственными связями. Он состоял в родстве с семьей влиятельных афганских духовных авторитетов Моджаддеди (по некоторым данным, сестра С. Лайека была замужем за Себгатуллою Моджаддеди; правда, в зарубежной печати встречаются и иные версии этого родства). Другая сестра Лайека являлась женой известного афганского революционера М.А. Хайбара, убитого в Кабуле при загадочных обстоятельствах 17 апреля 1978 г.

С.Лайек - отец троих дочерей и двоих сыновей. На его попечении находились и четверо детей М.А. Хайбара.

После падения режима Наджибуллы Лайек вместе с семьей покинул страну и получил политическое убежище в Германии.

Источники и литература

1. Ежов Г.П. Афганистан. Краткий биографический справочник. - М.: Издательство «Ключ С», 2002. - С.142; Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Бремя Тараки-Амина (1978-1979 гг.). - Симферополь: СГУ, 1999. - С. 239-242; Биографическая справка о членах кабинета М.Х. Шарка. - С. 14 (машинописный текст); Из современной афганской поэзии. - М.: Радуга, 1983. - С. 161-163; Справочник активиста НДПА: вопросы и ответы. - Кабул, 1982. - С.4. На языке дари (рахнема-йе фаалин-е хезб); Лайек С. Заря над Индом. - Кабул: Издание Академии наук Афганистана, 1362 (1983. - Предисловие. - На языке пушту (ды абасинсапед); его же. Светлое направление дорог /Предисл. доктора Мухаммада Акрама Османа. - Кабул:, Центр языков и литературы Академии наук Афганистана, 1363 (1984). - На языке дари (самт-е роушан-е джадеха); Хакикат-е энкелаб-е сау.-1986, 12 июля; Пейам 1990, 30 июня; Kabul New Times. - Dec.8, 1986; Democratic Republic of Afghanistan Annual. Jadi 6, 1358 - Hoot 1359. - Kabul: Government Printing Press, 1359 (1981). - P. 443-444; Arnold A. Afghanistan's Two-Party Communism: Parcham and Khalg. - Stanford, California: Hoover Institution Press, 1983. - P. 181; Anwar R. The Tragedy of Afganistan: A First-hand Account. - London: Verso, 1988. - P. 44, 150.
2. Лайек С. Светлое направление дорог. - С. 10.
3. См. об этом подробнее: Слинкин М.Ф. Афганистан: оппозиция и власть (60-70-е гг. XX в.). Раздел «НДПА и проблема единства»// Культура народов Причерноморья. - №57: Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2005.
4. Лайек С. Светлое направление дорог. - С.37.
5. Там же. - С.24.
6. Там же. - С. 25-36.
7. Там же. - С.25.
8. Там же. - С.33.

9. Впоследствии это выступление было издано в виде отдельной брошюры. – См.: Лайек С. Коротко о пуштунских племенах. – Кабул: Центр общественных наук Академии наук ДРА, 1365 (1986). – 63 с. – На языке дари (мохтасари дар барайе кабайел-е паштун).
10. См.: Закрытое письмо халькистов-членов ЦК НДПА в адрес Политбюро ЦК КПСС. Апрель 1988 г. // Культура народов Причерноморья. – № 41. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2003. – С.268.

Стоян Т.А.

ФОРМИРОВАНИЕ МЛАДШЕГО ОФИЦЕРСКОГО ЗВЕНА РОССИЙСКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

История российской армии, и, в частности, ее основной части - офицерского корпуса является составной частью общероссийской истории. Офицерский корпус концентрирует в себе военные традиции государства, а качественный состав офицерских кадров, его моральный облик во все времена свидетельствует об уровне его могущества.

Долгое время в советской историографии преобладало негативное отношение к изучению военной истории XIX – начала XX столетий. На протяжении десятилетий официальная наука, заклеив офицерский корпус Российской армии как «контрреволюционный», избегала в своих исследованиях названной проблематики. Научных работ по этой теме – единицы. В современной российской историографии начала 1990-х годов можно назвать лишь монографию С.В. Волкова [1], который ставил перед собой задачу «в популярной форме» изложить «основные вопросы российского корпуса» [1, с. 9]. Начало XXI ознаменовалось усилением интереса ученых к проблемам военной политики России прошлых столетий началось лишь в конце XX ст.[2].

Целью данной статьи является исследование источников пополнения младшего офицерского звена вооруженных сил Российской империи во второй половине XIX – начале XX столетия; выявление факторов, которые определяли уровень его качественного состава. При написании статьи использованы проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и статистико-аналитический методы исследования.

В середине XIX ст. основным способом получения первого офицерского чина было производство в офицеры за выслугу лет. Продолжительность же выслуги зависела не от общеобразовательного и профессионального уровня военнослужащих, а главным образом от их сословного происхождения. Хотя формально для производства в первый офицерский чин предусматривался специальный экзамен, однако он был чрезвычайно упрощенным. Некоторые представители военного ведомства иронизировали по этому поводу, подчеркивая, что зачастую родитель выбирал для своего сына военное ремесло «единственно потому, что он глуше прочих его детей» [3]. Кроме того, на местах, особенно в провинции, чинопроизводство зачастую велось вообще без экзаменов, и офицерский корпус пополняли безграмотные люди. Командир местных войск генерал-адъютант граф Комаровский докладывал, что большинство подчиненных ему офицеров в силу своей необразованности не в состоянии исполнять возлагаемые на них поручения. К докладу прилагался список 225 офицеров, совершенно не умевших читать и писать [4].

Не лучше обстояло дело и с выпускниками кадетских корпусов - закрытых военно-учебных заведений, объединявших в себе общеобразовательный и специальный военные курсы. Существенные недостатки в системе обучения и воспитания, громоздкая административная структура, отсутствие опытных преподавателей и инструкторов приводили к тому, что в армию из кадетских корпусов выпускались слабо подготовленные офицеры, полностью неприспособленные к армейским условиям. Поэтому понятно, почему строевые начальники предпочитали кадетам военнослужащих «хотя необразованных, но вышедших зато из рядов войск, а потому более первых знакомых с воинским бытом и военными требованиями» [5]. Сложившееся положение, таким образом, пагубно влияло на состояние офицерского состава. При отсутствии знаний процесс по формированию реальных боевых навыков у нижних чинов уступал место плацпарадной муштре. В таких условиях подготовка армии не могла быть на должном уровне, что и стало причиной поражения России в Крымской кампании 1853 – 1856 гг. Неудачи русской армии в Крыму, начавшееся перевооружение сухопутных войск, перевод европейских армий на новую систему комплектования – все это заставило правительство Российской империи, его военное ведомство по-новому взглянуть на проблему пополнения офицерских кадров. В начале 60-х – первой половине 70-х гг. XIX ст. в целях улучшения качественного состава офицерского корпуса была проведена военно-учебная реформа. Старшие классы кадетских корпусов со специальным военным курсом были выделены в самостоятельные военные училища. Сами же кадетские корпуса были переименованы в военные гимназии и превратились в средние общеобразовательные учебные заведения. При штабах военных округов были учреждены окружные юнкерские училища, предназначенные для обучения тех военнослужащих, кто ранее производился в первый офицерский чин за выслугу лет. Свою окончательную организационную структуру получили и специальные училища, готовившие специалистов для артиллерии и инженерных частей.

Первостепенным в деле улучшения комплектования обер-офицерского состава российской армии были не реорганизация и расширение сети военно-учебных заведений, а создание для них надежных, в первую очередь с точки зрения общеобразовательного уровня, источников пополнения. Однако, в условиях постоянного падения престижа офицерской службы привлечь к поступлению в военно-учебные заведения достаточное количество молодых людей со средним образованием было реальным лишь при значитель-